

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

**КНИГА 1
ПОВЕСТИ**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В 39

Ответственный редактор Л. Капишевская
Дизайнер Д. Арнаут

Вечное возвращение. Книга 1: Повести / сост. Михаил Литов, Людмила
В 39 Толич. — М.: Знак. — 656 с.
ISBN 978-5-9551-0763-9

«Вечное возвращение. Повести» — сборник знаковых произведений талантливых писателей 20—30-х годов XX века, незаслуженно забытых и практически не публикуемых современными издателями. Целью выхода в свет этой книги является популяризация произведений русских прозаиков классической литературной школы, знакомство с которой особенно полезно при нынешней вакханалии литературных авантюрных проектов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Во всех произведениях сохраняются грамматические нормы периода публикации (ред.)

ISBN 978-5-9551-0763-9

© Издательство «Знак», 2016
© М. Литов, Л. Толич, сост., 2016

К читателям!

Перед вами повести Забытых писателей. Не простое, не легкое время досталось авторам этой книги... Трагичны и судьбы наших собратьев по перу начала XX века. Призвание и талант не гарантируют никому блистательных успехов и лавровых венков. Зато наверняка обеспечат смятение душ и боль сердечную.

Они были правдивы и хорошо образованы. Они бились по обе стороны баррикад: «За царя и Отечество!» и «За власть Советов!». Одних расстреляли, другие умерли в тифозных бараках, погибли от голода, не многие пережили жуткое лихолетье и были обласканы властью Советов.

И те и другие писали свои книги на «разрыв аорты», а иначе – какой смысл вообще громоздить слова, прилепляя их одно к другому с завидным усердием?

Нынешний труд составителей сборника произведений Забытых писателей обращен в равной мере к тем, кто любит читать, и к тем, кто пишет... Ведь те, кто «призваны», кому даровано Призвание – в ответе за бесценный дар Божий...

Поистине, наши Забытые «возвращенцы» и век спустя послужат достойным образцом виртуозного владения бесценным русским словом и страстной любви к мучительному литературному творчеству.

Да, «Времена не выбирают, в них живут и умирают...»

Март, 2016

ВСТУПЛЕНИЕ

Из книги «Заметки читателя»*

Раздумывая о странностях своего пристрастия к книгам и пытаюсь создать некую личную, во всяком случае оправдывающую мои наклонности и даже придающую им силу, философию читателя (а потребность в ней ужасно назрела, если принять во внимание, что я зачитался уже до изумления и никакого разумного выхода, кроме как отправиться к праотцам, из этого заколдованного круга не видится), не могу не вспоминать одного человека, пожелавшего разъяснить мне, что бессмертие души, бесконечность пространства, вечность – все это глупые выдумки, химеры ограниченных умов и пугливых душ.

– А правда, – крикнул он, – в бесконечном творческом самосозидании Вселенной, и люди, сумевшие включиться в великий процесс космического строительства, космического искусства, проживают жизни, переходя со ступени на ступень и приближаясь к совершенству, до тех пор, пока хватает у них творческой силы.

Сам он, этот человек, много пишет о подобного рода создателях, в особенности о представителях русского космизма, а все это для нас уже тени прошлого, и он хотел бы открыто описывать их нынешнее положение, но сомневается, будет ли это научно в глазах непосвященных.

* «Заметки читателя» Михаил Юрьевич Литов вдумчиво и терпеливо писал на рубеже столетий – с этой удобной позиции бросал прощальные взгляды на прошлые века и осторожно присматривался к наступающему, XXI-му. (ред.)

Поразительное происшествие заставило его от смутных подозрений перейти к знанию о существовании более высоких, чем наш, миров, и состояло оно в следующем. Взяв в редакции свежий номер выпущенного в свет журнала с его статьей об одном замечательном провинциальном философе и мечтателе, он лег дома на диван и, чего обычно не делал, прочитал всю эту статью от корки до корки, прочитал с несколько неожиданным для него волнением, как будто что-то новое и потрясающее, а только закончил чтение – философ уже тут как тут и хотя ничего не говорит, никак даже не материализовавшись, а сообщается все же, присутствует, смотрит проникновенным взглядом.

И сейчас, когда он пересказывал мне этот случай, дрожь пробежала по телу моего приятеля, и чуть ли не встали дыбом его волосы, но это не помешало ему с какой-то практичностью оговорить, что мне, например, нечего рассчитывать как-то здесь присоединиться, тоже пристроиться. Каждому, известное дело, свое, каждый получает после смерти то, что заслужил при жизни, каждый сам строит свое загробное будущее; а иной не получает ничего. На иную жизнь нет отклика ни в одном из уголков бесконечного созидания, и для человека, прожившего впустую, смерть означает не что иное, как бесследное исчезновение.

Я же хочу сказать о том, что маленькая и отрадная вера рассказчика имела все основания стать благостной и исполненной умиления, но он словно немножко помешался, овладев ею, и потому она стала болезненной, резкой и неприятной. А поскольку при этом осталась все равно маленькой, то приняла вид какого-то несчастного и глупого наваждения.

Мой приятель больше не смог просто жить и работать, он теперь уже примеряется, пристрастно, едва ли не придирчиво выбирает, о ком бы написать, чтобы впоследствии встретиться и сотрудничать с угодным ему человеком, а не с тем, с кем возможны недоразумения и сложности. А зачем он рассказал мне свою историю, эту историю своего открытия, не могущего не быть сомнительным в моих глазах? Захотел похвастать, обескуражить меня, поделиться новостью, что у него все хорошо, что он отлично и с завидной ловкостью

устроил свое будущее? Но я-то вижу, что у него как раз все очень даже нехорошо.

Прежде он, касаясь круга вопросов, и для меня не безразличных, т.е. вопросов литературных, рассуждал вполне здраво.

– Странная выходит штука, – говаривал, бывало, он, – многотысячными тиражами некогда издавали Владимира Козина, а теперь его книги словно корова языком слизала, разве что в специализированных библиотеках сыщешь; или, к примеру, вполне прилично издали в последнее время Алексея Скалдина, Николая Никандрова, а эффект почти нулевой.

Он задавался резонным вопросом: почему выходит такая странность? Почему на людей не производит впечатления явление даже и великой книги? Творческий человек, предполагаем мы, действительно должен мучиться, но у моего приятеля, скрывать нечего, мучение нынче сделалось бесплодным и лишним, бесполезным, и совершенно не понять, почему так.

Раньше он поднимался даже до глубокого, философского, прямо настраивавшего на самопознание вопроса о тайне, заключенной в нем, беспокоился, что в нем за подкладка и начинка такая, что он, не в пример большинству, интересуется всеми этими старыми книжками и, может быть, уже основательно подзабытыми идеями, ночей не спит из-за давно умерших людей, все думает, как бы сделать так, чтобы след, оставленный ими, не остался незамеченным?

Откуда это взялось? Свалилось на него откуда-то или само в нем развилось? Но сейчас впору спросить: куда все это подевалось? В нынешнее время он, нахмутив брови, сосредоточенно перебирает книжки, перебирает имена, сортирует людей и не радуется открытию, а дотошно соображает, достойно ли это, открытое им, наличия, присутствия в его будущем сверхъестественном бытии.

Человек жаждет совершенства, как он его понимает, а оно невозможно, и в результате человек уединено мучается в тесном мирке своих переживаний, своих истерических мечтаний о несбыточном. И это не случайное замечание.

У меня есть своя трепетная, навязчивая, почти что парадоксальная думка, имеется свое индивидуальное мучение. Оно о забытых и полузабытых писателях, о задвинутых в тень или неверно, на мой взгляд, истолкованных книгах. Ну, неверно! – как это может быть? Среди массы истолкований всегда найдется удовлетворительное, лучшее, вполне верное, даже по-своему окончательное. Я выражаю лишь надежду высказать о некоторых книжках не то чтобы нечто совершенно новое и оригинальное, а свое, личное, выделить в них что-то особенно поразившее мое воображение.

Меня почти оставило вымышленное мучение, причиной которого было часто возникающее у прирожденных читателей желание и самому написать какой-нибудь гениальный роман, зато будоражит – и это происходит все чаще, – опрокидывает в некую лихорадку мысль, что я будто бы должен непременно дописать, составить книгу об этих самых несчастных, позабытых, перевранных писателях.

А я ее, можно сказать, давно пишу, все как-то на нее сворачиваю от дел, кажущихся главными, хотя едва ли понимаю, что речь идет о книге и что из всего уже приготовленного действительно можно составить цельный труд. Но как, собственно, это возможно понять? И о каком цельном труде допустимо говорить? Вопросам противостоят вопросы. Цельность? Что это такое?

Или, скажем, опять же вопрос о забытых или неверно истолкованных писателях. Разве не причиной и тут несовершенство мира? Будь мир устроен совершенно, в нем не забывалось бы и не перевиралось хорошее, и я бы не страдал. Но могло ли быть иначе, не так, как есть? Разве не закрадывается тут опасливое подозрение, что когда б мир был устроен совершенным, не было бы и никакой литературы, не возникло бы потребности в ней? А если вдруг так – то для чего же и жить?

Нет, положительно, существовать в условиях Эдема мир абсолютно не в состоянии. Не случайно же ангел света заскучал, взревновал, заозирался, преисполнился нечистотами, был низвергнут и превратился в ангела тьмы. Рядом с

необходимостью доброго ощущается равноправная необходимость злого. И это говорит что-то о правоте манихеев.

А рядом с мукой стоит смерть. Она выжидает, подстерегает и если прячется, то не далеко. Так и просится на язык вопрос: да что же вы тоскуете и мечетесь, если неизбежно помрете и вам будет все равно? Или это смерть вас подстегивает, подзуживает, пугает? Если бы я не знал, что меня, в конечном счете, закопают в землю и мне будет все равно, о!, сколько бы я всего искреннего и глубокого порассказал о тоске человеческой, хотя бы даже и о собственной.

Ведь на что-то даны мне голова и душа, и надо оправдывать предназначение, отрабатывать дар. Даже приходит сразу мысль, что одна лишь голова, без души, мало на что годится... Наносят, к примеру, на холст мазок, а в нем заключено разве что одно обдуманное понятие; тотчас говорят со стороны, что обдуманно не вполне точно и надо немножко переиначить... и в результате ни у кого не получается заполненного холста.

Когда мыслитель и мастер стоял на почве, неполноты быть не могло. Получался заполненный холст даже в случаях слабого и незначительного творчества.

Это соображение о почве наводит на другое соображение, на мысль, что талант дается свыше, как и голова с душой, и человек одаренный это особенно, наверное, понимает в минуты кризиса, когда у него словно все отнимается и он чувствует себя бесконечно жалким, беспомощным и обреченным.

Пораздумав обо всех этих вещах, невольно вскидываешь задумчивый взгляд к небесам. Но вот у меня голова и душа, а я, отскакав и отмучившись некий срок, вдруг перестаю что-либо чувствовать и сознавать – это как же? Зачем? На то лишь дарованы, чтобы я донес их до могилы, где уже ничего не будет? Тем не менее я, сознавая, что со временем перестану что-либо сознавать, продолжаю страдать, тянуть ляжку, вытягивать некую свою специальную песнь. И что же это сделало меня таким, какая сила, какие законы? Или, может быть, кто-то сознательно задумал меня именно таким, создал по своему специальному проекту, заложил в меня не-

кую умышленную цель? Да не страдает ли Он теперь оттого, что я ничего не ведаю о Его замысле на мой счет и все мои попытки узнать заведомо обречены на провал?

Забытым нами писателям уже давно безразлично, помнят о них или нет. Ну, представьте себе, даже не тем только из них это безразлично, кто благополучно скончался в своей постели в полной уверенности, что прославил свое имя на века, но и тем, кого лишили жизни насильственно, расстреляли или, может быть, затравили до смерти своими идеологическими выкладками. А мы тут, пока живы, прикладываем палец ко лбу, размышляя о них, сокрушаемся, восклицаем: как же так? почему?

С другой стороны, возможно, что я в этом гуманном, едва ли не восходящем к общечеловеческим ценностям сокрушении дохожу до какой-то личной откровенности, предположим, даже до пароксизма, выкидывающего меня из общего ряда, а где-то уже сидит человек, снисходительно усмехается, ибо он всезнающий специалист или вообще таинственный господин, который все знает вместо всех, чего уже и достаточно. Перед ним мое волнение даже в крошечном и приличном виде выглядит глупо и неуместно, тем более, что он не только знает о забытых, но и знает, что его знание спокойно, величаво и простирается куда-то далеко за границы как бы недоступного мне понимания причин, по которым одних забывают, а других помнят и славят.

Никому не удается жить не так, как он уже живет, и все рассказы о радикальных переменах участи – сказки, заигрывание с судьбой. Один не знает, что есть какие-то забытые писатели, и если мучается, то совсем не из-за этого своего незнания, а другой знает и мучается из-за этого, хотя вполне мог бы найти себе и другой предлог для мучений. Третий вообще вроде бы никак не страдает, но все равно помрет, и если принять во внимание, что его, глядишь, черти в аду обрекут на вечные муки, то повод для беспокойства у него, как ни верти, есть и при жизни.

Нет, что ни говорите, а эта жизнь разнообразна, даже чересчур, зато вот мир, который, может быть, действительно есть лишь наше представление о нем, наоборот, совсем не